

Катя Метелица

сахарная вата

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭТЕРНА»

Катя Метелица

Сахарная вата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36966632

Сахарная вата:

ISBN 978-5-480-00127-3

Аннотация

В новой книге Катя Метелица продолжила собрание очерков, столь полюбившихся читателям книги «Любовь», а также поклонников ее колонки «Стиль жизни» в «Независимой газете». Авторские иллюстрации по тексту.

Содержание

Ароматы	5
Божья коровка	9
Борода из ваты	13
Ваше превосходительство	16
«Все очень хорошо»	20
Вывеска	23
Галстук	27
Гандикап	31
Гарнир	35
Досуг	39
Дублирующий состав	43
Женственность	46
Заграница	49
Зима без снега	53
Икра	57
Имя, фамилия	60
Инопланетяне	64
Искренность (автоответчик)	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Катя Метелица

Сахарная вата

© Катя Метелица, 2007

© ИД «Независимая газета», 2007

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2007

* * *

Ароматы

Замечательная новость: в Дании и Швеции, где давно уже запрещено прилюдное курение, теперь дискутируется вопрос о запрете на употребление в общественных местах сильнопахнущих парфюмерных средств. Права астматиков, аллергиков и просто граждан с чувствительным обонянием должны быть соблюдены.

Я вот думаю: хотела бы я жить в стране, где законодательно запрещены сильные запахи? Да мечтала бы. Этот закон – он для меня, в моих интересах. Я никогда не сажусь в машины, где висит мерзкая штучка, так называемый «ароматизатор воздуха в салоне», а если приходится – страдаю, вплоть до требования аварийной остановки. И я совершенно понимаю своего папу, для которого «женщина, которая душится Маже Нуар» означает крайнюю степень отвращения. При виде баллонов-спреев у меня подкатывает тошнота и начинают слезиться глаза. При виде, подчеркиваю, даже не при запахе. А просто у меня тяжелая биография – отношения с парфюмами никогда не складывались. В восьмом классе я пришла в гости к однокласснице, у нее мама работала акушером-гинекологом, и я ухитрилась пролить на их бархатный диван огромный флакон шикарных духов Clemat, подарок благодарной пациентки. Крепчайшим шипром отчаянно пах престарелый родственник, который норовил при каж-

дом случае прижать меня к себе самым возмутительным образом. А на заре первой беременности (я даже об этом точно не знала, думала, что тошнит от жары) мне пришлось пользоваться одной ванной комнатой с женщиной, которая каждый раз густо-густо забрызгивала помещение дезодорантом и лаком для волос – уээээээээ. Как выяснилось, она в этой ванной тайком покуривала, а патриархальный муж не должен был знать. Интересно, о чем еще ее муж не догадывался. Не удивлюсь, если эта красавица – типичная южнорусская Катерина Медичи – впоследствии подсунула ему отравленных грибок: женщина, способная маскировать сигаретный дым лаком для волос, способна, в принципе, на любое преступление. Хотя и личность тихушника-мужа, который держал жену в такой строгости, тоже, знаете ли, вызывает... Ну, послушайте. Я правда очень не люблю сильные и ядовитые запахи. От табачного дыма у меня болит голова, и токсикозоподобная реакция на парфюмированные дезодоранты и лаки-спреи осталась, похоже, на всю жизнь. Я искренне ненавижу людей, которые регулярно закидывают лестницу в моем подъезде белыми вонючими окурками. Я бы тайно радовалась, если б кто-то искоренил не только Маже Нуар и Олд Спайс, но и радио «Шансон», электропилы, газонокосилки и кофейные машины. И пенопласт! Как многих неврастеников, меня до дрожи мучает скрип пенопласта. Однажды я с трудом сдержалась, чтобы не прибить чужого ребенка, который крутился вокруг, когда я гуляла с коляской, и упорно

рисовал на тротуаре кресты и стрелки куском крошащегося пенопласта – мерзкого, визжащего, страшно даже вспомнить, до сих пор сводит зубы... Если уж говорить всю правду, сильный ветер тоже плохо действует на мои нервы. Возможно, мне надо принимать бром или лечиться электричеством. Но я все же отдаю себе отчет в том, что не существует способа законодательно запретить ветер. И чем больше я думаю об этом, тем больше понимаю: законодательно запретить запахи невозможно тоже. И не знаю, каких препятствий тут больше – этико-моральных или чисто технических.

Какое количество молекул пахучего вещества на кубатуру будет принято за допустимую норму, а какое признают «навязчивым» и «нарушающим общественный порядок»? А вот ароматизаторы воздуха в салоне, мои главные враги – они же официально созданы для уничтожения дурных запахов (бензина, табака, тормозной жидкости) – как доказать, что их собственный аромат в тыщу раз гаже? Или, опять-таки, насчет парфюмерии: против кого, в сущности, был бы направлен этот запрет – против грасских и парижских парфюмеров? А может, дешево и сердито наодеколоненных южан-гастарбайтеров? Или дело обернется торгово-экономическими войнами между старой парфюмерной индустрией (где духи пахнут так или иначе духами) и новейшими веяниями – когда во флакончики разливают ароматы снега, пустыни, тумана, августовского дождя, глаженного белья, перца, пекарни, леденцов, чая со сгущенкой или просто начисто, до скрипа

вымытого мочалкой тела... А еще ведь можно играть в несо-
знанку: «Какой еще парфюм, командир? Да это естествен-
ный аромат моего эпидермиса, я с рожденья пачулями пах-
ну!» Мне кажется, это может стать любимым видом спор-
та среди асоциального элемента – хулиганов, идиотов, ху-
дожников, подростков. Вообще вырисовывается удивитель-
ный сюжет, новая антиутопия: государство, где тайное/явное
употребление мирры, мускуса и амбры является актом нон-
конформизма, а то и диссидентства. Ваши пальцы пахнут ла-
даном, мой товарищ по борьбе... Хотела ли бы я жить в та-
ком государстве? Ну, да. Но только я наверняка дружила бы
с теми, кто пользуется духами, вот в чем тупость.

Божья коровка

У жителей Красноярска проблемы – город заполонили полчища божьих коровок. Я слышала это утром по радио, когда ехала в такси, а вечером обнаружила эту новость в Интернете, причем ее перепечатывают все подряд.

Представители животного мира становятся ньюсмейкерами не слишком часто, для этого им надо буквально вылезть вон из шкуры. Собаки Лайка, Белка и Стрелка летали в космос. Овцу Долли клонировали. Кит-бутылконос заплыл в Темзу. Дельфины выбрасываются на берег – никто так и не выяснил, зачем, но эти суицидальные порывы вызывают не только жалость, но и некоторое уважение. По крайней мере, киты и дельфины делают это сами, без человеческой указки; не то что Долли и проч. Люди могут в этом случае утешиться, пытаясь затащить морских зверей обратно в воду; соответствующие сюжеты появляются в телевизоре из года в год. Маленькие дети спрашивают: «А вдруг киты начнут ходить по улицам? А вдруг они захотят есть людей?» Бессловесные создания, поди знай, что у них на уме. В искусстве (и в фольклоре) этот подсознательный страх отыгран много раз; самым блестящим, непревзойденным образом – в «Птицах», романе Дафны Дю Морье и фильме Хичкока. Выдумать гигантскую разрушительную Годзиллу – это еще легко, то ли дело правдоподобно показать, как опасна разъяренная

сойка: долбящая острым клювом, лишенная всякого страха. А если этих соек и чаек тьмущая тьма, многие тыщи... Главная причина, почему мы, симпатизируя китам, слонам, медведям и белочкам, не любим насекомых: они неприятны своей множественностью. Исключения – бабочки, глазастые стрекозы, сверчки, может быть, светляки. Изящные, одухотворенные создания. Одиночки. Про этих не скажешь «назойливо жужжат», они не надоедают, а наоборот, дарят своим драгоценным присутствием. Я тут раз в кои веки была в театре, и когда артист Панин говорил монолог, к нему вдруг подпорхнула шоколадница. А может, это был павлиний глаз, я не разглядела. Непонятно откуда взялась, в Москве почему-то очень много бабочек в этом году, у нас в квартире живут три, но две уже уснули. Покружилась вокруг, он руку протянул – она на руку села. Так трогательно, если честно, как будто его бог отметил: хороший ты, мол, актер, молодец. Так же и с божьей коровкой: если прилетит и сядет на руку – это к удаче. Но улететь она должна по собственной воле, смахивать нельзя ни в коем случае. А растоптать божью коровку – совсем уж нехорошая примета, так что жителям Красноярска надо бы обзавестись метелками, как у буддийских монахов, которые метут перед собой путь, чтобы нечаянно не наступить на чью-то душу в букашечьем облики. Причем для буддийских-то монахов, как я понимаю, один грех, кого раздавить – таракана, клопа-вонючку или симпатичное кругловатое создание с пятнышками на спинке, но нам не

все равно, нет. В европейской традиции насекомые, вообще-то, считаются нечистью, дьявольским отродьем, а вот божья коровка – символ солнца, счастья, небесной благодати. Или так: посредник между мирами. «Полети на небо, принеси нам хлеба, вкусного и белого, только не горелого». Чехи спрашивают: «Куда полетишь – на небеса или в ад?» На небе у нее «детки кушают котлетки» – прелестная картина, доложу я вам.

Вдохновленная необыкновенными новостями из Красноярска, я прочитала кучу статей про божьих коровок – там пишут удивительные вещи.

Осенью коровки собираются огромными стаями, поднимаются высоко-высоко в небо и летят на горные зимовки (в Красноярске такая стая осела из-за трагического сбоя логистики).

В одной местности часто обитают коровки совершенно разной окраски.

Замечено: если где-то преобладает черная масть в белых яблоках, то наибольшим успехом пользуются особи с красными крыльями, и наоборот. То есть они предпочитают экзотических партнеров; ничто так не способствует процветанию сообщества.

Самцы божьих коровок – самые приспособленные для секса создания на Земле, кроликам и морским свинкам до них как до неба.

Некоторые телочки дают только женское потомство; осо-

бенность передается их правнучкам на много поколений вперед.

К сожалению, эти незаурядные создания также не чужды: некрофилии, каннибализма, а еще они болеют венерическими болезнями, но это все мелочи: главное – они едят тлей.

Поэтому божью коровку называют либо необыкновенно прожорливым хищником, либо «трудолюбивым помощником садоводов». Авторам научно-популярных статей, судя по всему, нравится думать, что милая коровка пожирает вредителей не просто так, а желая угодить братьям своим большим... Но кто особенно неравнодушен к божьим коровкам, это, конечно, дизайнеры. Брошки и заколки, маленькие городские автомобили, MP3-плееры и сумки для дисков, кошельки и косметички, магниты на холодильник, аппликации на детской одежде, рисунки на вполне взрослых майках – божьи коровки везде и повсюду: неотразимый и гармоничный образ (и копирайт свободен)... Я вот что думаю: каноническая божья коровка из детской книжки – она всегда красненькая. А Красноярск заполонили – черные. Биологический вид один, но имидж у черных не такой привлекательный. Может, поэтому божьим коровкам там не особо обрадовались.

Борода из ваты

«Здравствуй, Дедушка Мороз, борода из ваты! Ты подарки нам принес, тра-та-та проклятый?» – не помню, если честно, какое именно там слово вместо тра-та-та. Идиот, живоглот, пидорас? Склоняюсь в сторону живоглота: за последнее время мне довелось (написала бы «посчастливилось», но счастья не много) прочитать примерно тонну криминальных романов и рассказов, где преступником или, самое меньшее, подозреваемым оказывался человек, изображавший Деда Мороза. Сунул в мешок и утащил. Стрельнул с правой руки и запрятал в левую варежку. Вытащил из рукава нож и пырнул – ну, вы понимаете. Есть даже сценарий боевика, в котором мобильный отряд Дедов Морозов осуществляет идеальное ограбление банка. Ничего так, мне понравилась идея. Конечно, аналогичный трюк в исполнении банды снегурок или, еще лучше, снежинок из кордебалета вышел бы эффектней и сексапильней. Но неправдоподобно: у снежинок ничего бы не вышло. А у Дедов Морозов – легко. Красный костюм, борода и колпак стопроцентно заменяют черную маску и камуфляж. Совершенная анонимность. У Дед-Мороза нет ни лица, ни фигуры, он может быть статным стариком, вроде Ельцина, или бодрим толстячком, или сгорбленным дребезжащим дедулей. Дед-Морозов делают Дед-Морозами: шуба, шапка, красные штаны, густо нару-

мяненные щеки, белые усы, борода из ваты и мешок с условными подарками. Еще может быть посох. И одинаковая манера басить на стариковско-крестьянский лад. Однажды я видела, как Деда Мороза изображала крупная толстая женщина с очень низким голосом. Казалось бы, у нее все должно было получиться. Она была театральным режиссером-любителем и, отчасти, сценографом, и переиграла в своей жизни кучу разных мужских ролей, в том числе Санчо Пансу, Фальстафа и попечителя богоугодных заведений Землянику. Во всех этих ролях она была в разной степени хороша, а в роли Земляники просто прекрасна. Так вот: Дед Мороз в ее исполнении вышел не просто плохой – жуткий. От этого зрелища веяло настоящим ужасом, концом света. Как будто реки потекли в гору и всякое такое... Смотрите: версия, будто Бог на самом деле никакой не бородатый старик, а молодая игручая женщина (ну, как в фильме «Догма»), не вызывает у нормальных людей ничего, кроме светлой радости. Если парень нацепит шубку и косу Снегурки, – это скорее всего выйдет забавно, вроде классической пародии на танец маленьких лебедей. А вот баба, покусившаяся на образ Деда Мороза, – ад, кошмар. При том, что сыграть Дед-Мороза – проще некуда. Любой актер, хоть раз подрабатывавший под Новый год в красном колпаке и с мешком подарков, подтвердит: роль – чистая халява. Даже ходить по улице Покровке, изображая Человека-Чебурека, и то нужен кое-какой актерский задор, а уж про Бабу Ягу и говорить нечего. И роль

Снегурочки требует, на самом деле, тщательного кастинга – дедморозова внучка должна выглядеть юной и стройной, а также милой и доброй, и не слишком фальшивой, а то будет противно. Свою накладную белокурую косу, по полкило голубых теней на глазах и кило розовой помады на губах ей нужно нести с некоторым достоинством. Воплощенная мечта об идеальной внучке-красотке-певунье-помощнице-невесте-принцессе, Снегурка должна быть все-таки личностью. Дед Мороз же – роль абсолютно статуарная, излишнее старание ему только вредит; некоторые Дед-Морозы не понимают этого и, по неопытности и от излишнего старания, суеются, но это никогда никому не нравится. Более того, от этой дурной суеты, от непродуманных самопальных шуток дети как раз и начинают сомневаться в подлинности Деда Мороза. Настоящий Дед Мороз должен быть таинствен, не слишком хорошо виден в зимнем полумраке и не многим более подвижен, чем новогодняя елка. Все, что от него требуется, это принести, во-первых, подарки, а во-вторых, подать несколько канонических реплик: «Что-то я, дети, вас не слышу, глуховат стал. Давайте-ка погромче! Елочка, зажгись!» Но нужен, понимаете, настоящий, без подделки мужской голос. Так что в некотором роде Дед Мороз – последний оплот мачизма; это забавно.

Ваше превосходительство

«Товарищи родители! Помогайте украшать помещение воздушными шарами!» – взывала воспитательница. «Товарищи родители! Помогайте накрывать на стол!» – нервничала стихийно выбранная председатель родительского комитета.

Никто ее, в общем, не выбирал председателем (да и никакого родительского комитета у нас, кажется, нет), она как-то сама вызвалась. «Наши дети вот-вот закончат подготовительную группу. Товарищи! Нужно устроить выпускной вечер!» Распорядилась сдать по две с половиной тыщи, пообещала самолично закупить конфеты, торты, пакеты сока, весеннюю клубнику, подарки детям, букеты педагогическому коллективу. Ну, им тоже, конечно, предполагались подарки, но члены педагогического коллектива прозрачно намекнули, что предпочли бы получить конверты, небольшую прибавку к жалованью. Разумно.

«Товарищ председатель, товарищи родители! Давайте закругляться с приготовлениями! Нашу группу ждут в актовом зале!» Удивительное ощущение: как будто вдруг возвращаешься в много-лет-назад. Актальный зал, вестибюль, фрамуга. Что еще у нас было? Чуть ли не рекреация. Специальные такие слова. (См. ФОРТОЧКА.) «Товарищи родители!» Так всегда обращались к моим маме-папе, но никогда

раньше – ко мне самой. Впрочем, было бы довольно странно, если б наша воспитательница Нина Васильевна говорила «Господа родители!» или даже просто «Господа!», разве что в шутку. «Господа» – это костюмированный бал, Елена Соловей в образе Веры Холодной. Или вот: Линор Горалик делилась впечатлениями от первого посещения кафе «Пушкинь». Там рядом с гардеробом есть дверь с витиеватой табличкой «Для господ», симметрично – другая такая же дверь, и она подсознательно ожидала (в общем, так сказать, контексте) увидеть там табличку «Для челяди» – но нет, всего лишь «Для дам». Я это к тому, что наличие «господ» (к тому же общего, объединенного рода/пола – «господ родителей») предполагало бы наличие либо этой самой челяди, либо равно же других господ, в данном случае – господ педагогов. Наша Нина Васильевна не числит себя ни госпожой, ни служанкой, отсюда и это «товарищи» – адекватно, справедливо... Адекватно, казалось бы, и справедливо – но все равно режет ухо. Я не знаю, почему. Для меня «советское» давно уже не «однозначно отвратительное» и даже не «отличное от других». «Советское» – это теперь «ностальгическое», «знакомо-уютное», «крымское полусладкое»... И, если смахнуть предрассудки, что может быть лучше обращения «товарищ»? Ну, разве только «брательник» или «сестренка». Другое дело, как по-разному произносится это «товарищ»: искренне, с пониманием истинного значения (товарищ=брат), или же казенно (товарищ=гражданин). Хотя, ко-

нечно, и в слове «гражданин» масса всего хорошего, но... «Гражданин подозреваемый» – тут все сказано. «Гамбовский волк тебе товарищ», ага. Пусть мы даже видели/слышали это только в кино, все равно: генетическая память, родовая травма.

Знаете, я готова полюбить слово «товарищ». Оно такое бодрое, честное. Идеально подходит для трибуны, и для парада, и для конспиративного собрания. Но в частной жизни оно такое – немного смешное. Вроде как персонажи Пелема Г. Вудхауза изображали леваков:

– Позвольте налить вам чаю, товарищ Дживс!

– Благодарю вас, товарищ Вустер!

С этими обращениями вообще такая путаница, вот и обходишься чем-то вроде «Послушайте!» Просто нет приемлемых вариантов. «Коллеги!» – ничего себе, но не всегда же с коллегами общаешься, как широко ни трактуй это слово, – увы. «Коллега» гораздо лучше, чем побитая молю «сударыня» или водевильный «господин». Даже у патриарха Алексия, я смотрю, не повернулся язык назвать Путина «господином президентом», хотя это, вроде бы, стандартная формула. Ну, когда он поздравлял его с Пасхой. Вышло, правда, еще похлеще: «Ваше Превосходительство». Вот как это понять, а? Признание своего подчинения – «Вы Который Всех Нас Превосходите»? Или вообще наоборот: чтобы избежать употребления всуе слова, однокоренного с «Господь»? Поди пойми. А вдруг существует какой-то внутрицерковный риту-

ал, протокол, и к светскому главе государства положено обращаться именно таким образом?

У меня есть друг, он не просто воцерковленный, но даже и рукоположенный – я ему отправила по электронной почте пасхальные поздравления и не удержалась, спросила: что там с этим Превосходительством, не знаешь? Ну, он меня тоже очень трогательно поздравил, назвал возлюбленной своей сестрой (в христианском смысле, но все равно, я знаю, очень искренне; а я вот таких слов стесняюсь, и это очень жаль), пожелал всего прекрасного, чего бы я сама пожелала, и еще чуточку от себя. Вот какой у меня друг! «А почему Путин стал Его Превосходительством, – он пишет, – сие мне не ведомо. Скорее всего, пресс-секретарь Святейшего из самых лучших соображений президента генеральским обращением потешил. Хотел Ваше Величество, но постеснялся». И еще добавил: «лично для меня Владимир Владимирович по-прежнему товарищ президент».

Хотя кто тут кому и до какой степени товарищ – по правде сказать, не окончательно понятно.

«Все очень хорошо»

Давайте, я расскажу вам, как я живу. Я живу хорошо. Если честно, я так хорошо живу, что даже немного побаиваюсь в этом признаваться, как бы не сглазить. Мой муж очень красивый и добрый, он говорит: «Так и напиши – что я тебя десять лет люблю, как в первый день. Даже больше. Потому что раньше я был несчастный, а теперь счастливый – армейцы в прошлом сезоне выиграли буквально всё!» Ну, я рада. Правда, я очень хорошо живу. Просыпаюсь не по будильнику. Не тащусь в офис, как масса граждан, а иду, скажем, на йогу. Тибетский массаж, имбирный чай, вместо завтрака – десерт, не жизнь, а малина. Забираю младшенького из сада, и мы идем кататься на речном трамвае или в зоопарк. Иногда я заглядываю ему прямо в глазки и говорю: «Ты хоть понимаешь, что мы самые счастливые, живем как короли? Ты понимай!» А он говорит: «Я понимаю». Он правда понимает. Потому что он очень много смотрит телевизор. В основном, конечно, про Губку Боба, но и новости тоже – иногда. Так что у него есть некоторые представления о мироустройстве. Я очень хочу, чтобы он понимал: мы с ним живем, как королевич и королева.

Только не знаю, кого я больше уговариваю – может, себя. Недавно у меня был день рожденья – я майская, родилась на позднюю Красную горку. Говорят: «кто в мае родился, тот

всю жизнь мается». Так и есть.

Давайте я расскажу вам, как у нас устроена весна – мы, майские, в этом разбираемся лучше других. Ну вот, сначала идет март – но только он, на самом деле, никуда не идет. Просто сугробы, просто лежат, просто самая что ни на есть зимняя зима. Потом, уже в основном в апреле, все мучительно долго тает, и течет, и обнажается, и становится очень-очень грязно, а потом еще и очень-очень пыльно. И как-то очень тревожно.

А потом уже бах – первая жара. Листья, одуванчики, свечи на каштанах, «черемуховые холода», в пригородах уже чуть ли не соловьи. Но у нас, у майских, как будто осколок льда в глазу, как у мальчика Кая.

Уже и пыль жуткая послезимняя кое-как прибилась, и окна по второму разу вымыты, даже газоны кое-где косят – но мы-то помним ту грязь, которая выползла из-под снега. Никуда она не делась, просто травой поросла. А водица в Москве-реке? Вообще ад. В зоопарке половины зверей почему-то не видно, у очкового медведя такая унылость на морде, как будто сейчас зарыдает. «Может, он беременный?» – говорит мой мальчик. «Ну, может, он самка?» – уточняет. Мне кажется, никакой этот он не беременный, просто больной. А вон тот, который клубком свернулся, – может, вообщедохлый?

Мы, майские, всегда так – склонны подозревать худшее. Крупная компания, которая торгует одеждой, прислала

приглашение на открытие весеннего праздника-фестиваля, что-то они придумали в стиле 60-х, чуть ли не игру в субботник. Рядом с нами, на Чистых прудах. Прихожу: по периметру пруда стоят белые палатки с выпивкой, пахнет жареным, песни, пляски, веселый смех, персонажи из телевизора. А за палатками, вдоль ограды – цепь автоматчиков в камуфляже. Спинай к субботнику, лицом к городу. Мне кажется, это были не охранники, а именно армия, солдаты. Мелкие какие-то, юные, и личики у них несчастные. Мне показалось – просто голодные. Но у некоторых – откровенно злые, как будто очень хочется развернуться на сто восемьдесят и пальнуть. В общем, я тоже развернулась и пошла по бульвару назад, домой. Жаловаться мужу, какое все страшное, грубое, липкое, грязное, рабское, хамское, глупое, ложное... Но только он совершенно не захотел этого слушать. «Да брось, – сказал, – Катёк, это же смешно просто. Обыкновенная пошлость, вот и все. Тоже мне гуччи-фигуччи, цитадель, блин, хорошего вкуса! Садись лучше, посмотри футбол со мной. Давай вискаря тебе в чай налью». А потом еще повернулся ко мне и сказал: «Мы Живем Очень Хорошо. Как король и королева, поняла? Ну, повтори».

Вывеска

На Мясницкой улице, в соседнем доме с «Независимой газетой» обнаружился ресторан под названием «Dantes». Точнее, в тот момент, когда я его обнаружила – в двадцатых числах мая – ресторана еще не было, а было только объявление, что туда идет набор персонала, поваров и официантов. Плохой признак; не думаю, что это будет выдающееся гастрономическое место, хотя поди знай. Открытие они подгадали ко дню рождения Пушкина, как будто нарочно.

Дантес – главный злодей в истории русской литературы, имя его – жупел. Мои друзья выпускали когда-то контркультурный журнал с таким названием – идеальное, согласитесь, название для контркультурного проекта. Типа сразу предупреждаем, мы такие провокаторы. Опять-таки: красиво. Французские имена на русский слух вообще звучат как музыка. Эдмон Дантес – это будто из романа Дюма. Если согласиться с тем, что пушкинская дуэль напоминает самоубийство, то Дантес, выходит, не более чем орудие. Смертельная рана в живот удовольствие так себе, но орудие-оружие самоубийства Пушкин выбрал со вкусом, как денди – изящное, французское; так что Дантес хоть и злодей, но фигура романтическая. Конечно, я не очень-то представляю, как в кафе с таким названием придут откушать кофе с круасаном или фуа-гра с эскарго профессора и доценты Инсти-

туда, к примеру, мировой литературы. Но и в заведении с названием «Пушкин» на углу одноименной площади и Тверского бульвара они тоже не стали, мягко говоря, завсегдатаями. Хотя не факт, что им бы там не понравилось: по сути карнавал кафе «Пушкин» (на вывеске есть старорежимный ер в конце, но это почему-то бесит) не так уж сильно отличается от тех карнавалов, что устраивают в Пушгорах; ряженые ливрейными лакеями официанты могут переборщить с «пожалуйста, сударыня», но хоть не пытаются с чувством декламировать стихи – уже хорошо... Вот с кем ведет игру этот новоиспеченный «Дантес» – с кафе «Пушкин». Оно хоть и потускнело немного, но все же еще долго будет одним из главных и даже легендарных московских ресторанов. Пушкин, кстати, рестораны очень любил. Не знаю, конечно, как бы он отнесся к вывеске на Мясницкой. Может, подумал бы, что Дантесом зовут француза-ресторатора, не более того... В 1999-м, когда с нечеловеческим треском и блеском праздновался двухсотлетний пушкинский юбилей, я довольно часто представляла себе: а вот как бы ему-то самому все это показалось? Например, его профиль с лирой и гусиным пером на палатках с хот-догами: ну, вот как?

Я сама тогда была сильно беременна; брюхата, как предпочел бы выразиться он сам. «Скажи, Катя, вы с Александром уже подумали об имени будущего ребенка? – позвонил мне мой дорогой покойный свекор Александр Алексеевич. – Думаю, надо учесть, что год сейчас особенный, пушкинское

двухсотлетие!» Я сразу поняла, к чему он клонит: опять-таки история про имена. Своего первенца, моего мужа, Александр Алексеевич назвал Александром и не прочь был, как мне казалось, закрепить это дело на внуке. «Да, нет, Александров у нас уже хватает! – неожиданно отмахнулся он. – Но в год пушкинского юбилея было бы правильно назвать человека... – Тут он сделал небольшую драматическую паузу, во время которой я туповато молчала. – Назвать внука Петром!»

Я как-то растерялась. Даже хотела ненавязчиво напомнить ему имя-отчество нашего великого классика, но, подумав, закрыла рот, проговорив только что-то вроде «Ааа». Или скорее так: «Ааа-а?»

– Ну, как же. Имя Петр – совершенно пушкинское. В-первых: Петруша Гринев. В-вторых: Петр Первый! Царь Петр – это и «Медный всадник», и «Полтава»...

Хорошее имя Петр. Апостольское. Означает «камень». Мне почему-то не хотелось, чтобы моего сынка звали Петром.

«А давайте по случаю пушкинского праздника назовем его Абрамом. В честь Абрама Ганнибала!» – такой я придумала контрвыпад. Но только наша семья – не такая, где можно кого-нибудь переплюнуть остроумием. «Семейство у нас крепкое, разнообразное: кого ни выдерни из колоды, каждый личность», – так сформулировал когда-то старший внук Александра Алексеевича (по имени, как вы могли бы дога-

даться, Алексей; лично я прихожусь ему мачехой).

«Назовите Дантесом!» – жестко предложил он, смачно поедая что-то со сметаной.

Я со своим Абрамом-Ганнибалом немедленно умылась. Дедушка (академик, литературовед, автор тридцати шести монографий) возмущенно замер.

– Дантесом? С ума, что ль, сошли, чегой-то за имя такое? – вступила бабушка, Антонина Васильевна. – Нет, давайте назовем его – Анатолием!

Тут уж пришлось замереть и Лехе, со сметаной на губах.

– А просто у нас сосед в Серпухове был – Анатолий. Такой хороший парень. Всегда меня через забор выглядывал. Нас с ним с детства сватали: Тоня и Толя. Раз уж хотите в честь Пушкина – назовите Анатолием, говорю.

Мальчик родился через две недели после великого 200-летия, на летнее солнцестояние, имя выбрали – Федор, по святцам.

См. НАУКИ И ЗНАНИЯ.

Галстук

Две вещи в детстве сводили меня с ума – мамин лифчик и папин галстук. С первым все кое-как прояснилось, второй же так и остался загадкой. Смотрите: всякий предмет одежды имеет какую-никакую практическую функцию. Даже ублюдочный декоративный платочек, какой мужчины, желающие сойти за провинциальных итальянцев, втыкают в верхний кармашек пиджака, – даже этой смехотворной тряпицей можно при случае вытереть пятно, собрать осколки стекла или обернуть дверную ручку, чтобы не оставить отпечатков пальцев; на галстуке же можно только повеситься (да и то не факт). А вот зато разнообразными символическими смыслами галстук, даже самый нейтральный, перегружен сверх всякой разумной меры. Оставим в покое домашний фрейдизм, возьмем хоть учебники по деловому этикету – там бездны. «На переговорах с бизнесменами из исламского мира галстук крайне нежелателен, поскольку ассоциируется с образом крестоносцев» – как вам это? Или вот: «какую следует выбрать бабочку, чтобы вас не приняли за официанта?» На самом деле, я думаю, единственно правильный ответ такой: если вы способны нацепить на себя такой предмет, как галстук-бабочка, но отдаете себе отчет, что смахиваете при этом на официанта, – что ж, вам стоит задуматься о карьере официанта. Предпочитают-то, конечно, другие

решения; эскорт-девушка (лучше две) и/или пара телохранителей. Соответствующее сопровождение обычно снимает вопросы, хотя забавные случаи на приемах все еще не редкость. Не у всех детали одежды, выражение лица и язык тела находятся в полном соответствии с размерами личного капитала, и джинсы, у которых на попе напечатано золотом «олигарх» (в таких видели Березовского: ему жена, говорят, подарила), или свитер с вышитым словом «бандито» (как ни странно, Diesel; видела такой на Лаврике Брунина и еще на Шнурове) тоже могут позволить себе не все и не всегда... Но я, в общем, хотела о другом – о пресловутом «пьяном» галстук «пятничного менеджера», корпоративно-отдыхающего клерка. О, не спешите, не спешите презирать его. Это важный праздничный атрибут, фактически новый «оливье»! Синоним того самого фольклорного салата, мордой в котором засыпал раньше пьяный пролетарий. Галстук на плече – такой же символ нашей флизелиновой эпохи, как... Ну, я не знаю. Как белоснежные майки и ладные черные трусы физкультурников когда-то были символами Рабочего Первояма и вообще сталинского Большого Стиля. А галстучек, кстати (пионерские косынки не в счет), рифмовался тогда либо с сатиновыми нарукавниками счетовода, либо с пережитками щегольства празднующихся недобитков. Сталин носил гимнастерку и френч, Хрущев предпочитал косоворотку. Конец карнавалу положил товарищ Леонид Ильич Брежнев; при нем обязательный строгий галстук при пиджачной

паре утвердился в качестве статусного символа – так одевались и одеваются руководящие товарищи, и до сих пор. Здесь мы согласны с западным миром (а также с теми, кто принял правила игры западного мира, например, с японцами). «Галстук – символ власти», – это вы прочтаете в буклете любой фирмы, торгующей про-сти-меня-господи-за-такое-слово аксессуарами. Галантерейная сермяжная правда, с ней не поспоришь. Но только у этой правды тоже два конца: в совершенно равной степени галстук является символом подчинения, эвфемизмом обрывка позорной пеньковой веревки или рабского ошейника. А я так считаю – даже в гораздо большей степени. В школе, когда мы учились в десятом классе, директриса (по прозвищу Лидия Гнидиевна) выпустила приказ: старшеклассницам ходить непременно в школьном черном фартуке (хотя бы даже поверх юбки с кофтой), а старшеклассникам – в галстуках. Она лично стояла в дверях и тех, кто приходил без галстука, заворачивала домой. Наши школьные Бивис и Батхед вернулись: один – в папашинем галстуке поверх трикотажной фуфайки без воротника, а другой нацепил галстук поверх водолазки; ничего, пустила. Они выглядели будто сбежали из дурдома, но это не имело значения, главное – было продемонстрировано послушание, формальное следование приказу. Сейчас точно такие же истории можно прочитать в форумах, где обсуждают корпоративную субкультуру. «На обеде в служебной столовой я вдруг почувствовал на себе множество недобрых взглядов. Замер с

ложкой у рта. Черт! На руке татуировка. Черт! Я забыл сегодня вынуть сережки из уха. Черт, черт, черт! Я позабыл надеть галстук. Во всей огромной столовой я единственный был без галстука. Я понял – всё! В эту самую секунду меня признали бракованным экземпляром», – изливает душу банковский IT-менеджер. А моего папу когда-то выгнали из пионеров (См. ПОКОЛЕНИЯ.) за то, что он назвал галстук селедкой. Теперь носит – привык. Завязывать, правда, сам не умеет... Между прочим, если вы меня спросите, могу ли я назвать мужчин, которые в галстуке выглядели бы по-настоящему мужественно, я положу руку на сердце назову троих. Все трое в разное время играли Джеймса нашего Бонда. Но ведь и Дж. Б. не столько героический, сколько комический персонаж, разве нет?

Гандикап

Мой кумир в мире животных – улитка. У нее нет ножек, а она все равно туда-сюда.

Мой кумир в мире искусства – Катя Медведева. На семьдесят мохнatom году жизни она принялась рисовать яркие примитивистские картины и стала музейного уровня художником. Примерно в том же возрасте Лени Рифеншталь начала осваивать подводное плавание и подводные съемки. Но она-то всю свою жизнь тяготела к героизму, вот что неприятно. Нет, моя ролевая модель – улитка.

«– Как, ты все еще здесь?! – А будете ругаться, я вообще никуда не пойду!»

Мой фольклорный кумир, как вы понимаете, богатырь Илья Муромец. Хотя, сказать по правде, я не помню, какими он прославился великими подвигами. Прикончил Соловья-Разбойника? Такой подвиг не стОит памяти в веках, и лично я Муромца люблю не за это. Пролежать на печи тридцать лет и три года! Тридцать лет не мельтешить, не суетиться, тихо и благородно копить силы – вот что восхитительно.

В кинематографе моим кумиром пусть будет Педро Альмодовар – он начал снимать в сорок. А в балете (если вам интересно) – Анастасия Волочкова. То есть, сначала-то ее судьба развивалась неинтересно: долговязая тяжеловатая девочка без всяких способностей брала послушанием и чудо-

вищным трудолюбием – очень трогательно, но не про нас. По десять часов ломаться у станка – такой судьбы, как говорится, врагу не пожелаешь. Но зато потом она придумала элементарную вещь: танцевать на сцене без трусов. Понимаете, все балерины до нее танцевали в трусах, ну то есть в трико. Разной, но всегда существенной степени целомудренности. А тут в ключевом месте – чисто символическая ниточка; особенно увлекательно смотрится из первых рядов партера. И этим она, конечно, подняла балетное искусство на совершенно новый – ужасно хочется, пусть и не совсем к месту, употребить слово – конгениальный уровень и достигла более чем заслуженного признания.

Конечно, глуповато как-то звучит: плясать без трусов. То же мне подвиг, скажете вы. Но дело ведь не в трусах, да и не в балете – господь с ним, с балетом, я в нем ничего не понимаю. Но я способна оценить радикальный жест, простой и эффектный, как «Черный квадрат». А вы разве нет? Главное, не отвлекаться на чересчур увлекательную фактуру (ну, извините) и сосредоточиться на сути. А суть такова: наша жизнь до глупого похожа на соревнования по какому-нибудь биатлону. То стреляем – пиф-паф, то бежим на лыжах – бжик-бжик. Но только правила постоянно меняются, и никакой fair play. Срезал угол – одного за этого снимают с трассы, а другого объявляют чемпионом. Попал по мишени – а она возьми и пошли тебе в спину ответную пулю. Гандикап – не по справедливости, а по праву рождения; ну, и прочие такие

же нюансы, которые мечтали отменить утописты и коммунисты: держи карман шире.

Будущие мамы соревнуются результатами ультразвуковых просвечиваний: ах, он у меня такой большой. Только что рожденных младенцев оценивают по шкале Апгар, вообще-то она девятибалльная, но едва ли не половина новорожденных получает десятку: врачам не жалко, а родителям ну так приятно. Получившие всего лишь девять баллов чувствуют себя слегка уязвленными. Соревнования по темпам привеса, по прорезыванию зубов. Построились по росту, рассчитались на первый-второй. Девочки соревнуются с мальчиками, но особенно – те и другие между собой. Мальчики: кто дальше плюнет и у кого джип больше. Девочки: сначала – кому уже купили лифчик и кого принимают за взрослую леди. Потом, после короткой паузы, поехали назад: кто выглядит моложе, кого принимают за младшую сестренку собственного сына. Кто худее, у кого строже диета, больше кубиков на животе. Или вот: «Сколько он на вас потратил?» – спрашивала Анна Ахматова у подруг, рассказывавших ей о своих романах.

Не надо думать, что Странные Скачки – удел меркантильных и тупоумных; тщеславие принимает разнообразные формы. Кто самый несчастный и преследуемый судьбой? Кто у нас самый совестливый, кто самый сострадательный? Духовным богатством меряются едва ли не с большим остервенением, чем материальным; какие-нибудь молодые

писатели готовы удавиться за малейший признак публично-го признания; ну и все такое прочее. Ну, не глупо ли это? Ужасно глупо.

Но только грех тщеславия – он самый соблазнительный. И еще: жить совсем вне всяких соревнований очень скучно, как бы тут не впасть в еще более тяжкий грех – грех уныния. Простите, что упоминаю всуе. И вообще – что же делать-то?

Приходится хитро выстраивать свою жизнь; придумывать свои собственные соревнования, определять правила, объявлять победителя. Даже делать ставки, почему бы нет. Надо всего лишь немножко поработать с собственным мозгом – и олимпийская награда находит правильного героя. Приведу пример: когда моей падчерице Ватруну было лет двенадцать, она объявила, что ее кролик выиграл конкурс красоты. Как выяснилось, в конкурсе участвовали: собственно Варин кролик и старая морская свинка Вариной подруги Ларисы. Как выяснилось еще позже, хозяйка морской свинки о состоявшемся конкурсе не была информирована. Но это ведь не помешало Вариному кролику выиграть конкурс? Наоборот! Очень даже помогло.

«Какая ты умница, моя дорогая! – говорю я себе. – На часах всего полдвенадцатого, а ты уже поднялась и сварила себе кофе, готовишься позвонить по телефону. Да ты просто героиня, настоящий трудоголик!» Очень помогает, знаете.

Гарнир

Во вторник мы с Миленой обедали в марокканском ресторане. Как мы там оказались: у меня было совершенно свободных полтора часа, а ее работа в двух шагах от моего дома, и я подумала, что жалко ее – сидит в конторе, когда такое солнце, и вытащила ее погулять. А уж почему наша прогулка закончилась ровно через семь минут и в ресторане – это некоторая загадка.

Ну, там были хотя бы большие окна, правда, немые. Вид на Язу и симпатичную голубую церковь. Нас, впрочем, пытались запихнуть за столик в глубине, где никаких окон не было. «Вас будет двое?» Столы у окна были рассчитаны на четверых. Не то чтобы эти столы были заняты или зарезервированы. Если честно, там не было вообще ни одного посетителя, только один дяденька, но он уже расплачивался и нервно докладывал в свой телефон ситуацию с вагоном керамзита. Этот ресторан, видимо, только что открылся, раньше там было дамское кафе – все такое в оборочках и с претензией на особо здоровое питание. Они еще писали, в каком блюде сколько калорий и для какой оно подходит группы крови. Это здорово отпугивало – неудивительно, что кафе в рюшечках прогорело. Поколебавшись, официантка в шелковом как бы африканском балахоне великодушно указала нам на стол у окна. Обычный икейский стол был изобретательно

обклеен керамической плиткой и окружен резными столбиками, призванными нести в себе Дух Востока. К одному из столбиков прикручен динамик, мавританские напевы громче всяких разумных пределов. Мы попросили убавить звук. На лице официантки отразилась трудная внутренняя работа. «Одну минуту». Она провела экспресс-совещание с двумя охранниками и барменом. Вернулась с благоприятным известием: «Можно». Все столы, кроме нашего, по-прежнему стояли пустые. Заглянули несколько офисных девиц без пальто, но тут же отпрянули и пробежали мимо, к киоску с булками. Кто-то – видимо, бармен, а может, невидимый директор-распорядитель – действительно убавил звук. Официантка скромно и с достоинством улыбнулась – так улыбнулся бы ассистент Дэвида Копперфильда: *voilà!* Мы проявили черствость: вместо того, чтобы оценить ее магические способности, попросили сделать еще потише.

На столе возникли два стакана-тюльпанчика, на дне – по веточке мяты. «Марокканский чай!» Мы попытались заказать такой же, но без сахара. «Без сахара нельзя. Это же марокканский чай, в него идет сахар. Ну, если вы так хотите, можно положить поменьше...» И принесла чайник густого сиропа: чудеса кончились. Вообще надо было, конечно, как те девицы, просто купить по булке и посидеть с этими булками на скамейке, медитируя на первую травку. Заказали, в общем, бизнес-ланч, один на двоих. «А гарнир? К горячему идет рис или картошка-фри. Что вы будете?» Мы сказа-

ли, что ничего не будем. Через полчаса появились две площадки с салатами и суп. Еще через полчаса – наша официантка в сопровождении другой официантки. У первой лицо растерянное, у второй – решительное, даже агрессивное. «Кому второму ложится гарнир, это обязательно. Что желаете: рис или картошку-фри?» «Пусть картошка», – испуганно сказала моя подруга, в то время как я, одновременно с ней, сказала: «Ладно, рис».

– Это еще ничего! – сказала Милена, когда официантки наконец отошли. – Когда моя Варя училась в частной школе, там по четвергам весь год на обед давали рыбу под майонезом. Дети ее никогда не ели, говорили: «Фу, опять эта рыба, какая гадость!» Родители на собрании пытались что-то вякать, но директриса заявила: «Необыкновенно вкусная рыба! Просто детям она почему-то не нравится».

А я не могу забыть, как пришла делать маникюр, и у маникюрши в кабинете (метр на метр) было включено радио «Шансон». Я попросила выключить, а она сказала: «Ну, не знаю. Клиентам нравится!» При том, что, кроме меня, никаких «клиентов» там не было и в принципе быть не могло. В общем, пожаловались друг другу – как две жертвы мирового абсурда... Но только я теперь думаю: а может, это вовсе и не абсурд? Может, мы с ней просто не сумели вписаться в некую простроенную систему Идеального Мира? Где школьники по четвергам с удовольствием едят рыбу, запеченную в духовке с луком и майонезом, а клиенты доверчиво и с благодар-

ностью предоставляют свои обломанные ногти умелой манипуляторше, равно наслаждаясь теплой ванночкой и «Владимирским централом». А в марокканском кафе громко и зазывно гудит марокканская же музыка, за столик на двоих усаживаются два человека, а за столик на четверых, соответственно, четверо. И в чай идет (и никуда уже из него не возвращается) сахар, а к горячему идет, опять-таки, гарнир – сваренный по-восточному рис или пожаренная во фритюрнице картошка. Нам принесли, кстати, картошку – на которую со страху согласилась моя подруга. Жирную, горячую, соленую картошку-фри, как в «Макдоналдсе». И я ее всю, в легкой задумчивости, съела.

Досуг

Одно из тех слов, в которые я долго не верила. Думала, что это что-то вроде канцелярского термина, которым в обычной жизни нет места. «На досуге» – понятно, но просто «досуг» произнести невозможно. «Как вы предпочитаете проводить свой досуг?» Это все равно что назвать человека, которому звонишь по телефону, «абонентом», а мужа «супругом».

В детстве у нас вообще много языковых иллюзий: слово «осязание», я считала, означает примерно то же, что «зрение», но более, что ли, научно. На контрольной по биологии классе в седьмом или пятом я написала, что у жука-плавунца глаза являются органом осязания. Учитель был потрясен: «Как ты себе это представляешь: жук глазами дно ощупывает, что ли?». На самом деле мне примнился коварный подвох в самом вопросе: написать, что «глаза – орган зрения»? Как-то слишком просто.

Из этих же соображений, как я позже поняла, некоторые люди выговаривают «супруг» и «супруга» вместо нормальных «муж» и «жена» – для солидности. Вроде как деликатно оттопыривают мизинчик, угощаясь из непривычно тонкого кофейного фарфора. «Простореч.», приговаривает справочник русского языка (за искл. случаев, когда речь не идет об официальном упоминании спутника жизни какого-либо чрезвычайно высокопоставленного лица, вроде ан-

глийской королевы). Ловушка снобизма. А под грифом «досуг» в какой-то момент поселились рекламные объявления вроде «очаровательные блондинки для солидных господ» и «горячие парни для одиночек и супружеских пар; недорого». Опять-таки: досужий ум, досужие вымыслы. «Досужими людьми» моя легендарная свекровь, урожденная Волюнкина, ругает личностей не столько праздных, сколько навязчиво любопытствующих. Кто пристаёт к ней с неправильными вопросами, на которые не хочется отвечать; правильные – о давлении, перспективах погоды и здоровье собаки.

Она права: в «досужести» присутствует огромная доля любопытства. Именно любопытство заставляет нас проводить драгоценные часы досуга (я потихоньку привыкаю к этому суконному слову) – странным, дурацким образом. Ночи напролет шнырять по интернету, читать чужие, совершенно неинтересные, в сущности, дневники. Вступать в вербальные контакты с таксистами и, особенно, частниками. Или вот: все мои подруги, которые живут в районе Чистых прудов, ходят красить ногти в один маленький и довольно грязноватый салон – а почему? А потому что в таких салонах, в отличие от дорогих и с претензиями, сотрудники не стесняются громко обсуждать свои дела, беседовать друг с другом. Обычно это невыносимо, но именно в этой парикмахерской развивается изумительная интрига: одна из маникюриш является неофитом церкви адвентистов седьмого дня, она уже практически обратила в свою веру девушку, кото-

рая сидит на телефоне, и теперь они вдвоем ведут теологические и миссионерские беседы с другими парикмахершами, еще не обращенными, примерно в таком духе: «Думаешь – вот умри ты завтра – воскреснешь, и тебе будет сороковник? Нет, ничего подобного. Тридцать лет. Ни морщин этих не будет, ни синяков под глазами, ничего. И почка болеть не будет, и спина. Если ты, конечно, праведник...» Дьякону Куравеву надо бы ходить в эту парикмахерскую, если его, конечно, примут: у них очень плотная запись. А один мой приятель – он пристрастился проводить досуг в бане, в общем мужском отделении. Баня примерно той же ценовой категории, что парикмахерская на Чистых прудах, и расположена она где-то за Зацепой, в заводском районе. По субботам в девять утра приходят завсегдатаи, пожилые рабочие. Сидят, молча пьют квас. Потом кто-то решительно ставит кружку: «Сегодня я буду поддавать!» Через некоторое время объявляет: «Мужики, мята!» Все тогда выстраиваются в очередь быстренько, чтобы не выпустить пар, заходят в парилку. В парилке отчаянно пахнет ментолом. Все одобрительно хлопают поддающему, скрючиваются на полках, дышат. Сидеть принято на венике, на полотенце – несолидно. Надышавшись, выходят, отдыхают, пьют квас. Через некоторое время: «Мужики, полынь!» Опять выстраиваются цепочкой, опять аплодируют, дышат теперь полынью. Отдыхают, некоторые уже с пивом. Затем: «Мужики, хрен!» Это кульминация – в плоске с кипятком, которым плещут на камни, действительно полощут-

ся корни хрена, и дух такой, что мама не горюй. А потом еще завершающий акт: «Мужики, ромашка!» – для смягчения эффекта. Все.

Повторяю: по субботам, в девять утра. Но он заказывает такси на без пятнадцати девять и мчится в эту баню, даже если поспать удалось часа полтора. Потому что: а вдруг на этот раз вместо полыни пойдет зверобой? И что на это скажут мужики?.. Так балетоманы в тысяча первый раз идут на «Жизель» – посчитать фуэте, сравнить девятьсот девяносто девятым разом. В конце концов, досуг является безусловной целью цивилизованной жизни, а уж как его проводить – в бане, в филармонии, за игрой в буркозла или в охоте за компонентами супа том-ям, это каждый выбирает по-своему.

Дублирующий состав

Ну вот, две сестры. Старшая – умница, сплошная радость и покой. Гармоничная внешность, гармоничный характер, пятерки по физкультуре, и все остальные тоже пятерки, железная воля, этюды и гаммы, ровные зубы, идеальная дикция, четкая недетская красота. А главное – чудесная врожденная уверенность в себе, безошибочная локация. Прямая, как стрела, линия жизни: школа с серебряной медалью, лучший институт, великолепное замужество, отец мужа – известный академик, в двадцать четыре – первый ребенок, мальчик, аспирантура, карьера, интеллигентный развод, и второй свекор тоже академик, и это не случайное совпадение, а жизненная установка – быть лучшей, брать лучшее, стремиться к еще более лучшему. Не карьеристка – перфекционистка. Не то чтобы воспитана – родилась такой.

А младшая, она совсем другая, как нарочно. Мягонькая, вся какая-то немножко неправильная, в веснушках, в кудряшках, брови домиком. То ли плачет, то ли смеется, надувает губы, бормочет чепуху.

Пачкает, рвет, теряет одежду, разбивает чашки, локти, коленки, теряется сама, обнаруживается в каких-нибудь кустах, где ведет долгие беседы с гусеницами и одуванчиками. У нее нет подружек, слишком стеснительная. Ее никогда не обижают, но и почти не замечают. На даче все лето репети-

руют спектакль, ее тоже позвали играть, но это только из-за сестры. У той, естественно, главная роль – Том Сойер. Старшие мальчики в этом мероприятии не участвуют, Гека, Сид и тетю Полли тоже играют большие девочки, а всем малышам поручают бессловесную коллективную роль «других детей». Впрочем, репетируют так долго, что постепенно и у малышей появляются реплики. Младшая сестренка, например, в какой-то момент должна пищать: «Ой, Том, и я! Я тоже хочу покрасить! Дай мне немножко покрасить забор, я подарю тебе стручок акации, на нем можно свистеть!» А Том-старшая ей ответит: «Да на что мне твой стручок, я умею свистеть с двумя пальцами!» – и свистнет. Старшая сестра раньше никогда свистеть не пробовала, но выучилась этому делу за какие-нибудь пару дней.

На репетициях младшая все исполняет, но как-то хмуро, бормочет под нос. Иногда даже набрякает личиком, глотает слезы, а когда ее начинают утешать, говорит: «Да ничего я не плачу! Это мне соринка попала!»

«А давайте, она как будто действительно заплачет, когда Том не даст ей покрасить забор?» – вдруг осеняет девицу, которая играет Гека. Тут младшая гневно краснеет и убегает. На генеральной репетиции ее нет. Старшая – Том как всегда хороша, но у нее пока еще нет костюма: «Мама шьет, костюм будет обязательно».

Наконец предпоследнее воскресенье августа. Занавес, сцена, зрители в парадной одежде, с букетами, все как пола-

гается. Занавес раздвигается, и появляется старшая сестра в костюме Тома Сойера. Клетчатые брючки, зеленая курточка, кепка с козырьком. Она начинает свою роль: «Черт, как не хочется сегодня в школу!...» Рядом с ней – ее сестренка, на ней клетчатые штаны из той же ткани, кепка с козырьком, зеленая курточка. Она просто стоит – молча, совершенно счастливая, улыбается и держит Тома за руку. Так, вдвоем, они и ходят по сцене. Кроме только одного момента – это когда младшая вдруг выходит вперед и произносит: «Ой, Том, и я, я тоже хочу покрасить! Дай мне немножко покрасить забор, я подарю тебе стручок акации, на нем можно свистеть!» После чего опять отступает Тому за спину и свою реплику: «Да на что мне твой стручок, я умею свистеть с двумя пальцами!» старшая произносит уже в пустоту, воображаемому партнеру.

Все это делается очень, очень серьезно.

И зрители, и остальные участники действия, кажется, все понимают.

В конце сестры много раз, все так же за руки, выходят на поклоны.

Младшая потом будет рассказывать об этом как о счастливейшем событии своей жизни: «И тогда моя гениальная мама придумала вот что...»

Женственность

Мой самый страшный детский сон был такой: вдруг выяснялось, что я родилась не девочкой, а вовсе мальчиком. Тогда я просыпалась и рыдала. Интересно, как толковал бы этот сон дедушка Фрейд с его (абсурдной) теорией зависти к пенису. Гипертрофированная женственность, совершенное довольство собой? Но ведь нет, наоборот – мне хотелось поменять в себе все, от пяток до макушки. Не то чтобы меня чем-то всерьез не устраивала моя макушка – о ней у меня до сих пор довольно смутное представление. Просто хотелось поменять – все.

Я сутки напролет подыскивала себе имена. (См. ИМЯ, ФАМИЛИЯ.) Например, Агнешка: казалось, мне пошло бы такое имя – Агнешка. Да что Агнешка – после поездки в Палангу я всерьез примеривалась к имени Гирлинда (а было мне, надо сказать, уже лет восемнадцать). Примеряла звучные, чаще всего французские фамилии (завидовала, в частности, девочке из соседнего дома с фамилией Каплан), воображала себя в ореоле белокурых/рыжих/золотистых кудрей, с парой огромных изумрудных/лазурных/ультрафиолетовых очей, на экзотическом острове с пальмами в качестве места проживания. По десять раз на дню пускала лошадь в галоп, летала под куполом и спасала каких-то заложников. Ни одна самая идиотская и банальная мечта не прошла мимо моей

праздной головы, только одного я ни за что, никогда, ни даже на-один-денек-попробовать не хотела – быть мальчиком, мужчиной. Это так скучно, мне казалось, так уныло, такая тоска. Они же, казалось, все одинаковые.

Сборники рассказов я всегда читала так: выбирала по оглавлению те, в которых упоминалось какое-нибудь женское имя, потом – те, в которых, как можно было догадаться, речь шла о чем-то девическом. Потом уже с неохотой просматривала остальные. Примерно с таким же чувством, как доедаешь (не пропадать же добру) самые неинтересные конфеты из коробки – без орехов, без вишни, без цукатов, с непонятно какой начинкой. Я даже вывела теорию: что мужчина – это как бы базовая модель человеческой особи, не случайно во многих языках «человек» и «мужчина» – вообще одно слово, а женщина – это человек плюс еще очень, очень многое. Не «в базовой комплектации», а с серьезным тюнингом, дающим невероятные дополнительные возможности.

Я жила в мире (хорошо – мирке), управляемом женщинами. На женщинах держалось фактически все. Учили, лечили, кормили, снаряжали. Они были хороши и старались быть много лучше. Теперь я вижу – женщины проиграли. Мужчины оказались круче по всем фронтам. Черт бы даже с ним, с разделением мирового богатства и социальных ролей – но они заводят новых детей в сорок пять и еще раз заводят новых детей в шестьдесят. Им можно быть уродами – и счи-

таться при этом едва ли не красавцами. Если мужчина хоть что-то из себя представляет, он может быть лысым, пузатым, седым как лунь, с огромным носом и километром морщин – и вертеть как угодно небесными красавицами двадцати трех лет, заложницами своего совершенства. Вот за что, оказывается, надо было бороться – за право быть несовершенными. Когда тебе не дозволено ни морщинки, ни складочки, это невероятно стимулирует. Но и жутко утомляет, по правде сказать.

За годы жизни я кое-чему научилась: не мечтать о белокурых кудрях, а также об имени Гирлинда, и немного поняла мужчин: у них, оказывается, тоже чувства. Не все – базовая модель, некоторые внутренне оттюнингованы даже поинтереснее многих женщин. Особенно по части самоиронии... Могут себе позволить, вот что я вам скажу.

Заграница

Мы тут развлекались тем, что мерили американские очки-антидепрессанты. С виду вроде обычные очки с темными стеклами, но только они на самом деле не затемняют, а неуловимо меняют картинку – как будто вдруг навели резкость и наладили цвет. Наверное, это и называется «смотреть сквозь розовые очки». А одна девочка надела их, оглядела кусок пыльноватого московского бульвара и сказала: «Надо же, все сразу такое... заграничное».

Это правда: в любой «загранице» изображение в целом ярче и чище, чем у нас. И сами зарубежные жители – они не совсем такие же люди; магические розовые линзы у них как будто встроенные. Они приходят в гости и не снимают уличную обувь, даже у себя дома ходят в кроссовках, и полы у них при этом чистые. Не хранят в холодильнике остатки лекарств «на всякий случай», ни секунды не стесняются просить отдельный счет, едят шампиньоны сырыми, путешествуют с целью «посмотреть, как живут люди, которые намного беднее нас», с младенчества бойко лепечут по-английски, а то и по-французски или даже по-каталонски. У них нет проблем с шенгенской визой, имеется семейная недвижимость за рубежом, все машины у них иномарки, а девушки постоянно выходят замуж за иностранцев. Съездив парочку раз в Россию, они успевают побывать в самых краси-

вых и интересных местах, куда мы, местные, так и не соберемся выбратся за всю жизнь. Кто поушлее, те даже успели по дешевке купить какой-нибудь сладкий кусочек... Вот и мой друг узнал, что его знакомые экспаты приобрели избу на Плещеевом озере, небольшое-но-привлекательное-в-своей-аутентичности имение; возят теперь туда деловых партнеров – других иностранцев. А мой друг загорелся идеей свозить в эту красотищу свою беременную невесту. Ключи от заповедной избы им дали, но весьма неохотно, с кучей наставлений: ничего не трогать, все тщательно закрывать, не допускать огня, сквозняков, враждебно настроенных соседей, бездомных котов и так далее. Поехали на машине с шофером, пригласили еще невестину подругу. Та ошалела от счастья, что в кои-то веки будет не за рулем, и к поездке подготовилась очень основательно, даже купила специальную корзинку для пикника. В корзинке уместились: два коньяка по ноль семьдесят пять, бутылка зубровки на случай, если не хватит, яблочный сок для запивондера и для беременной, церковный кагор для нее же. Той, впрочем, было не до кагора и вообще не до чего – последние километры пришлось на раздолбанный проселок с жуткими колдобинами. Водитель кое-как довез их до озера, перекрестил и уехал в Москву. Они немного пона-слаждались видами, но стало стремительно темнеть и холодать. Пришлось зайти в избу. Домовитая подруга невесты первым делом бросилась включать обогреватели, но ей не дали – хозяева заклинали да-

же не прикасаться к электроприборам. Стали греться изнутри. Невеста пила чай из термоса, безуспешно борясь с ознобом, тревогой и тошнотой. Потом замутило и остальных. В воздухе витало что-то нехорошее. Мой друг открыл дверь в спальню – оттуда выдохнуло черным дымом. Чертова подружка ухитрилась незаметно прокрасться и засунуть включенный обогреватель типа «Доброе тепло» прямо в постель – желала согреть себе, знаете ли, простынки. Был бы это его дом, он, скорей всего, крикнул бы: «Девки, спасаемся!», но от ужаса, что гибнет чужое, вверенное ему имущество – как героический дядя Степа, молча бросился в дым, схватил тлеющее тряпье, вышиб окно и выбросил все наружу. Благообразный русский дворик сразу превратился в какую-то жуткую авангардистскую инсталляцию. По-над озером полетели обугленные клочья, повсюду расползся ни с чем не сравнимый аромат паленых куриных перьев. Подруге все это показалось невероятно забавным, она рухнула в икейское кресло-качалку на терраске и принялась хохотать. Открыли окна, температура в доме угрожающе понизилась. Мой друг в отчаянии стал искать какой-нибудь телефон – вызвать такси из Переславля-Залесского. Деревня, которая на закате смотрелась дико живописно, теперь казалась зловещей, а главное – совершенно не жилой. Из одной избы вышел мужик, но постоял немного и упал. В единственном светящемся окошке разыгрывалась картина из Вл. Сорокина – седенький дедушка с маленькой внучкой мирно сидят рядышком и смотрят

рят телевизор, а в телевизоре – порнуха. «Видишь у калитки столбик? Положи туда пятьсот рублей и отойди!» – распорядился дедок; мой друг покорно все исполнил. Дед, порядочный человек, вынес ему телефон и сказал номер местной справочной. Вызвали такси, и оно – не чудо ли! – вскоре прибыло. На поездку до ближайшей гостиницы, цитадели евроремонта, ушли последние деньги, но была кредитка, правда, с утерянным пин-кодом. И ни одного паспорта, вообще никаких документов. Злодейка-подруга уже не держалась на ногах, но все еще демонически хохотала. Все трое испачканы в сажу, адская вонь горелого пера. «Ладно, Тамара, заселяй этих... интуристов», – позволил наконец директор гостиницы. И жизнь сразу заиграла яркими красками – как будто настроили резкость, и т. д., и т. п.

Зима без снега

Никогда на моей памяти столько не говорили о погоде. Радиоактивный полоний, развод Абрамовича, обвал доллара – темы второго, даже третьего сорта. Прогноз погоды – вот главная новость. Что происходит с климатом? Будет ли ноябрь теперь всегда совершенно бесснежным? И декабрь, что ли, тоже? Во Владимирской области пошли грибы, в Ботаническом саду, говорят, вот-вот зацветет сирень, одуревшая смородина дала почки. Из Норвегии шлют фотографии: дети гуляют по лугам в летних платьицах. А у нас, хоть и близко нет никакого Гольфстрима, температура ночью до плюс восьми, в середине-то декабря. Неужели такое возможно? Не ударят ли в качестве компенсации жуткие, невиданной силы морозы? Что будет с весной? Что будет с летом? Может, резко континентальный климат вообще кончился, и у нас теперь будет что-то вроде охлажденной Калифорнии или подсушенной Исландии? А тут еще эти магнитные бури на Солнце – как, ну скажите, как это все перенести? И известно ли вам, что депрессия – самая распространенная болезнь цивилизованного мира? Ну, во всяком случае, самая частая причина невыхода на работу? Известно, ой, как известно... Некоторые, правда, как-то бодрятся, держатся. Прекрасная погода, говорят. Прекрасная! Настоящий подарок. Хоть бы, говорят, и вообще не выпадал этот снег, кому он нужен. Все

равно засыплют его солью, залиют реагентом, начнет таять, пачкаться, станет мерзкое месиво. Сейчас можно ходить в туфлях, в модных босоножках на меховом подбое, как в Италии, а выпадет этот ваш снег, так поди попробуй. Сапоги и точка. Скользкота, объявления «SOSульки!» на каждом фасаде, травмы, переломы, бытовое унижение, аварии на дорогах. То ли дело: плюс четыре, сухо, безветренно – красота. Нормальная европейская зима. Еще улицы бы мыли лучше, а то пылюга, машину хоть каждый день мыть... Ну, вот именно – европейская зима как-то не очень получается. То есть она европейская, конечно, но какая-то немного средневековая, с грязнотцой – если отъехать хоть на пару кварталов от Третьяковского проезда.

Да и в Третьяковском, скажем прямо, могли бы мыть брусчатку лучше. И... как вообще выглядит солнце, кто это помнит?

Если сегодня солнце вдруг не появится (ничего пока не предвещает), это будет уже пятьдесят третий день Больших Сумерек. Полярная осень, я же вам говорю.

Московские жители, кому не судьба срываться на время куда-нибудь в более приветливые широты и долготы, постепенно превращаются в кротов. Подслеповатые глазки, загребущие лапы, блестящая шерсть, подвижное рыльце – да это же наш коллективный портрет. Все, кто могут себе это позволить, полностью перешли на ночной образ жизни. Просыпаются часа в три-четыре, выглядывают на улицу одним

глазком: все так же? Не раздвигая штор, переползают в ванную. Отмокают до пяти – а там уж, глядишь, совершенно стемнело. За окном черно, а в доме свет – это нормально, уютно, по-человечески. Темные улицы, огоньки машин, витрины и вывески, какие-никакие новогодние украшения – даже весело. Грязи, опять-таки, не видно. Как в старой шутке, которую любит мой папа: «Не видела, где моя черная рубашка? – Она грязная. – Она не может быть грязной, она черная!» Носить черное – самый дешевый способ выглядеть элегантно, это все знают. Так же и с моим родным городом – ему к лицу темнота. У теоретиков градостроения есть термин «плазма», означающий всякую мелкую городскую подвижность – так вот, в темноте сегодняшняя московская плазма выглядит куда наряднее, чем днем. Никакого сравнения! По ночному бесснежному городу приятно ездить и приятно гулять. Темнота – это вообще нормально; темнота – друг молодежи. Сумерки – вот что тревожно. Особенно если в сумерки просыпаешься, в сумерки выходишь из дому, в сумерки завтракаешь и в сумерки обедаешь. Почему-то в помещении эта законная сумеречность угнетает даже сильнее, чем на улице. Там хоть какой-то естественный свет, а дома приходится жечь лампы с утра до вечера, по углам тревожные тени, и все белое выглядит серым. И от этого, конечно, депрессия – так объясняют нам медики. А другие медики им возражают, что все эти страдания от недостатка солнца – больше самовнушение. Насчет самовнушения готова согла-

ситься, но только это не выручает. Самовнушенная депрессия ничем не легче той, которая вызвана объективными причинами; даже наоборот... Не утонуть бы в этих мутных, сумеречных мыслях. Как сказал кто-то из великих: чувствую себя, как вареные раки, только вареные раки наверняка соображают лучше меня. Но ничего, ничего! Снег все равно когда-нибудь выпадет, и солнце выкатится на небо, как золотой апельсин на голубую тарелочку. И тогда уж мы сумеем обрадоваться этому снегу и этому солнцу, так обрадоваться, что – ух! Не хуже каких-нибудь итальянцев, которые на Новый год специально ездят в Прагу, чтобы своими глазами увидеть, какая она – знаменитая russkaja zima.

Икра

Есть несколько общепринятых способов поесть икру. С блинами и густой сметаной. На бутерброде с мягким белым хлебом. На горячем тосте. Согнутой визитной карточкой, как в старом советском фильме. По-американски – с мелко нарезанным сырым луком и накрошенным яичным белком (самый абсурдный), слизывая с тыльной стороны собственной руки (как делают эксперты-кавьярщики) или с груди специально нанятой для этой цели девушки (хит русских икорных вечеринок в окрестностях Ниццы). Или, наконец, просто ложкой. Икра прекрасно дружит не только с ледяной водкой, но и с сухим шампанским, а однажды я заказала в мюнхенском ресторане картофельный суп, щедро заправленный шампанским и черной икрой. Это был особый ресторан, его специализацией были гурманские блюда из картофеля. Удивительная, чисто немецкая честность: на первый план выпячивать не икру, которая присутствовала там, между прочим, в половине блюд, не фуа гра и прочие трюфели, а именно картошку. Похожим образом поступали родители моей подруги Анечки:

они подмешивали ей икру, которую она ненавидела, в картофельное пюре, которое, наоборот, очень любила. Тогда черная икра считалась диетической едой, полезной для детей. Но нормальные дети инстинктивно ненавидят все стран-

ное, неочевидное, пахучее и, в частности, то, что американцы называют too fishy («слишком рыбное»). Я была, по всей видимости, не очень здоровым ребенком, «с извращениями вкуса»: отказывалась от всего, кроме крыжовника, черных черствых горбушек, клюквы в сахаре и селедочных хвостов. Икра мне тоже, в общем, нравилась – маленькие шарики прикольно лопались во рту, почти как клюковки, а вкусом и запахом напоминали селедку. Но мне редко давали икру в чистом виде, а тоже подмешивали в картофельное пюре, но с обратной целью: выбирая ложкой черные крапинки, я съела хоть немного «человеческой еды», и родители меньше боялись, что я у них умру голодной смертью.

Мои дети, кстати, не выражают по поводу морских деликатесов никакого восторга, но обожают жареную и печеную картошку – это внушает оптимизм.

Икра – такая вещь, которую принято любить не инстинктивно, а осознанно. Не как еду, а как часть культуры роскоши; воспринимать ее в комплексе со всеми сопутствующими мифами. И не любить ее – тоже осознанно. «Фу, рыбы яйца!» – это реплика дикаря. Как Василий Иванович из анекдота: «Спасибо тебе, Петька, за водку – хорошая водка, вкусная. А чернику твою, извини, выбросил – мелкая и рыбой пахнет!» Другое дело отказываться от икры просвещенно, выражая таким образом протест против варварского истребления осетровых рыб. Или против социального неравенства – хотя тут все довольно скользко... Да и с отказом от

икры из экологических побуждений тоже не так однозначно. Не лучше ли наоборот – эскалировать спрос на дорогостоящий деликатес? Может, тогда с берегов Волги выведут адские химические предприятия, и снимут плотины, и река опять станет чистой, и реально великой, и по ней опять поплывут гигантские полутонные рыбины-белуги, которые способны, в принципе, прожить больше ста лет, но нашими с вами усилиями уже чуть ли не повымерли?.. Но что, интересно, думают на этот счет работники тех самых химических предприятий, которым тоже, между прочим, надо кормить своих детей, если не икрой, то хотя бы картошкой? И что важнее человечеству – каспийская икра или каспийская нефть? Или вот: если закрыть Волгоградскую ГЭС и снять с Волги все плотины, рыбам сразу станет много-много лучше, но откуда возьмется тогда электричество? Чувствую себя душой – у меня нет четкого ответа ни на один из этих вопросов. Я по-прежнему люблю икру и равнодушна к картофельному пюре. Конечно, больно думать о том, как гибнет прекрасная Волга, но мне кажется, если бы лично меня заставили сидеть без электричества, я бы осатанела. Есть совсем необязательные вещи, без которых человечество и каждый отдельный человек может прекрасно прожить, – вот, икра. Но именно эти вещи будоражат воображение и помогают задать какие-то довольно важные вопросы – ну, хотя бы себе.

Имя, фамилия

Русская портъе в гостинице в Таллинне пыталась объяснить своей подруге-эстонке, какая красивая фамилия Метелица. После десяти минут наблюдения за пантомимой, изображающей зимнюю непогоду, эстонка наконец сказала: «А, ты имеешь в виду...» Тут она произнесла эстонское слово, которое мне не повторить, и тоже принялась изображать снежные завихрения. «Да, но что же тут красивого?..»

Имя – странная, кармическая вещь. Прекрасный юноша покажется еще прекрасней, если его и зовут как-нибудь героически. Александр МакКартни! А назовись он Геркулесом Огурцовым – сойдет за придурка. Почему-то. Подсознательное недоверие: если уж собственные родичи не позаботились наградить человека более привлекательным наименованием, значит...

Меня восхищает обычай некоторых народов – татар, армян – давать своим детям самые великолепные и звучные имена – из мифологии, из старой литературы, даже из ботаники: Венера, Гамлет, Медея, Мелисса. Приятель-грузин назвал своих новорожденных дочек-близняшек Мари и Софи: «чтобы росли изящными, как француженки!» А если вырастут не очень изящными – что ж, по крайней мере, изящные имена им немножко помогут. (См. ЖЕНСТВЕННОСТЬ.) Знаете, как имя влияет на судьбу! Есть, напри-

мер, история про первый конкурс «Московская красавица». В нем участвовала красотка Оксана Фандера, но вопрос о том, чтобы дать ей титул, даже не рассматривался – имя еще туда-сюда, но фамилия не показалась подходящей. А вообще-то самой безупречно-красивой на этом конкурсе была, говорят, девушка по имени Лена Дурнева – но это, подумали, как же? Наденут на нее корону, так дурных шуток потом не оберешься. Выбрали девушку по имени Маша Калинина – чтобы не придраться.

Про Машу Калинину до сих пор иногда пишут в газетах, а Лена Дурнева сразу куда-то пропала. Хотя многим ли, если подумать, фамилия Дурнева отличается от фамилии, к примеру, Денёв, которая нам кажется и звучной, и достойной? Одна-другая буква, не более того.

Моя французская подруга Камий, которая прожила в Москве чуть ли не десять лет, своего сына назвала Тимуром; а родилась бы дочка, хотела назвать так же – Тимур. «Очень красиво, – говорит, – это звучит на наше ухо!» Похоже на «пти амур», что-то вроде «маленькая любимка» или «любимчик». Еще она присматривалась к таким именам: Сметана, Смородина, Облепиха. Над ней смеялись: назови уж тогда Гонобобелем или Костяницей! А она говорила: а чем, собственно, Костяника хуже французского имени Констанс или вашего Кости-Константина? И почему бы не назвать девочку именем ягоды? Разве ягода хуже цветка – Розы или Лилии? И называют же некоторые американки своих дочек

Эпл – Яблочко. Такого имени тоже, впрочем, нет в святцах, но почему бы и не назвать, если нравится.

А еще одной моей знакомой малышке родители долго-долго не могли подобрать имя, она полгода жила без имени. Записали наконец Марией Дмитриевной и теперь зовут – Карамелькой. Но, может, стоило так и назвать? Карамель – прекрасное, в сущности, имя. Карамелька Борисова. С отчеством, правда, не очень сочетается, но навряд ли через двадцать лет кому-нибудь понадобится отчество. Хотя поди знай. Может, и пойдет на них мода, как на корсеты.

Но тогда можно будет так: официальное имя-отчество и, отдельно, домашнее имя, смешное или ласковое. По паспорту Персефон Петрович, а для родных – Пуся.

Я вот всех, кого люблю, почему-то называю кузьями. Хотя никогда в жизни не назвала бы сына Кузьмой. А однажды девочка во дворе услышала, как я своего сына Митю называю кузей, и сказала: «Почему вы его так называете? Это я – кузя! Меня так зовет моя мама!» А вообще-то ее звали Асей. Мне кажется, кузю надо узаконить как общеупотребительное слово. Уменьшит. – ласкат. А то, пока я это пишу, компьютер постоянно правит мне кузю на Кузю, приходится каждый раз исправлять обратно, уже устала. У меня нет ни одного знакомого Кузи, зато маленьких разных кузь, мальчиков и девочек, – полно. Их так называют их мамы, понимаете? Неизвестно почему. В этом слове нет никакого особого смысла, не думаем же мы о мифологической кузькиной

матери, что бы это ни значило. Просто вдруг вырывается откуда-то из глубины организма: «ну, Митя, ну, кузя!» Неконтролируемо.

Вообще-то, нет, я забыла: у нас есть один Кузьма. Правда, по документам он Алексей. Но назвать его Алексеем – все равно что меня Екатериной Михал-ной. Имя для социума. Не для своих – для чужих.

Но для чужих – не зазорно ведь и прикрыться псевдонимом. Бедная Лена Дурнева – что бы ей вовремя назваться Умновой. Или просто Прекрасной. Почему она этого не сделала – по глупости, из гордости? Я хотела бы узнать. Честно говоря, судьба Лены Дурневой меня по-настоящему занимает.

Инопланетяне

Встреча с представителем иной цивилизации – это, как известно, шок. Иногда – даже как бы приятный.

«– В каком я доме была – вы не представляете. Хозяева – потомки художников каких-то дореволюционных. Куча комнат, и все старое-старое, из паркета половицы вылетают, а посередине стол, на нем книги горками и три ноутбука – они переводами зарабатывают. Я по ошибке на кухню зашла – там старушка гладит чугунным утюгом! От меня шарахнулась, как будто инопланетянина увидела. Детей у них зовут Никола, Поля и Мика. Я говорю: “Николушка, скажи, а где у вас туалет?” А он: “Выйдите в прихожую, там дверь в уборную – вы увидите, справа”. Представляете: “уборная”, “прихожая”...

– Я не поняла: тебе там понравилось или нет?

– Очень понравилось».

Или вот:

«– У нас знакомая была, она шведка. По Туве и Башкирии с нами путешествовала. Такая нормальная вроде бы, отличная девчонка. Но все время деньги считала, как-то неприятно. Мы, вообще-то, старались на это внимания не обращать, тем более там все копейки стоило. Мы после Москвы вообще, можно сказать, отдыхали на природе от товарно-денежных отношений, а она: “Я тебе должна девять рублей за чай,

возьми, пожалуйста”. А потом уже обратно в поезде едем, она и говорит: “Ой, ну слава богу, я в бюджет уложилась, даже семь платков пуховых смогла купить. Как приеду, придется мужу деньги отдавать – мою долю платы за отопление”. Я так осторожно спрашиваю: “Ты уже три месяца в Швеции не была, какая там доля?” Она долго объясняла что-то, но нам уже ясно было: все равно не поймем. Просто как будто на инопланетном языке человек высказался. И все вместе непонятно, и каждое слово по отдельности: “ее доля”; “за отопление”... И кому – мужу, вот что главное! Я говорю: “А вы с ним как бы разводитесь?” – “Нет, – говорит, – что ты. У нас прекрасные отношения”. И еще добавила: “Не позже, чем через четыре года мы планируем родить ребенка!” Как в Москву вернулись, я с ней больше не общалась уже: вообще непонятно, что у человека в голове.

– Согласна. У меня еще хуже было: не какая-то шведская знакомая, а близкая подруга в универе. Веселая такая, уютная, венгерский учила. Такая Лена. А на четвертом курсе у нее роман – ну, такой Валера. Какой-то технический институт закончил, вроде физтеха – ну, такой, где самые умные. И вроде как он уже жених, свадьбу готовят и все такое. А потом слово за слово выясняется, что она со своим Валерой не спит! До свадьбы ни-ни.

– Религиозная?

– В том-то и дело, что нет. Просто у нее такой принцип: нужен штамп.

– А потом что?

– Женились, и Валера этот пошел в ГАИ работать, “чтобы достойно содержать семью”. Прямо стоял на улице с этой полосатой палочкой и сшибал бабло. Через год уже в мутанта превратился: шея красная в три обхвата и на каждом пальце по золотому перстню. И ничего, всем доволен: “Хотя, вообще-то, я с детства мечтал в КГБ работать, как мои родители”. Представляешь, какие трогательные подробности».

Самый распространенный тип инопланетянина – представитель иной социальной группы/материальной культуры. Почему во всех (почти) странах списки бестселлеров возглавляют переводные книги – они про иную жизнь. Или вот, книга рублевской писательницы Оксаны Робски, она так и преподносится – как бортовой журнал межгалактического шпиона.

«– Ты знаешь, я смотрю на наших заказчиков с Рублевки – они совсем другие. Совсем! Другой биологический вид. Сначала мы думали: ну, они – нефть туда-сюда, бизнес-планы, а у нас архитектурные проекты – у каждого своя работа. Потом думали: ну, богатые от небогатых только тем отличаются, что у них денег больше. Это Фицджеральд сказал или Уайльд, ты не помнишь? Зато у нас вкус лучше и образование, сравни – Строгановка или «Керосинка» на троечки. А теперь смотрим: да они вообще другие. Даже если совсем разорятся и в минус уйдут. Просто другие. Как инопланетяне. Это даже трудно объяснить...

– Ну, среди них тоже есть нормальные...

– Нет, нет. Просто у некоторых из них психика более гибкая, и они притворяются. Из вежливости. А на самом деле – инопланетяне. Поэтому и селятся отдельно, в специальных гетто для инопланетных. Они, знаешь, даже в кафе “Пушкин” всегда спиной к окнам садятся – чтобы бульвара не видеть. Мне один заказчик рассказывал, что он иногда гуляет ночью по центру один, без охранника – это для него типа экстремальный спорт. Подвиг разведчика! Гордый такой. Это он наши нравы наблюдает.

– Ну, по Тверскому бульвару гулять, это, знаешь, правда, экстрим. Там сейчас кто собирается: сноубордисты, идейные лесбиянки и мазафакеры так называемые. И еще эти, которые над своим телом экспериментируют: шрамы, раздвоенные языки и все такое. Не инопланетяне, скажешь? Но они вообще никого не трогают, только сами над собой издеваются и хвалятся друг перед другом. У кого в черепе дыра, у кого руки изрезанные до костей...

– А между собой не ссорятся?

– Нет, мирно живут. Типа: сестренка с Юпитера, братишка с Урана, но оба чужие на этой Земле.

– А мы не чужие? Мне, знаешь, тоже иногда кажется...

– Да что там тебе кажется – у нас кредит на квартиру, ипотека, зимняя резина, так ее. Местные мы, местные».

Искренность (автоответчик)

«И самовар у нас электрический, и сами мы довольно неискренние!» – чудесная шуточка старого советского юмориста. Вещественные признаки неискренности можно продолжать долго, и почетное место рядом с электрическим самоваром займет предмет под названием автоответчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.